

Японская интервенция в Сибири. Прелюдия

(Часть 1)*

К.О. Саркисов

Японская интервенция в Сибири (1918–1922) – одна из мрачных страниц не только в истории двусторонних отношений, но и внешней политики самой Японии. Японские, американские и советские архивные данные дают картину того, как это всё начиналось и что двигало теми, кто решился на эту авантюру.

Ключевые слова: революция, Дальний Восток, Чехословацкий корпус, бессилие оппозиции, Гото Симпэй, Чичерин.

Приход к власти в России большевиков в ноябре 1917 г. не только лишил Японию стратегического союзника, но и создал потенциальную угрозу. Теперь вместо уверенности, что в наступившей военной кампании русская армия прогонит германо-австрийские войска из Галиции и маршем двинется на Берлин, замаячила другая альтернатива – контроль Германии над бесконечными просторами с богатейшими ресурсами и движение через Сибирь к границам с Японией [1, 13.02.1918].

Но раньше немцев на Дальний Восток пришла революция. Во Владивостоке пока ещё власть находилась в руках Думы, но в Харбине верх взяли большевики. В первых числах декабря уличные бои «революционных отрядов» с силами, верными генералу Хорвату, бегство того в Чанчунь и потеря им управления краем – всё это производило в Токио удручающее впечатление и вызывало беспокойство за судьбу двух тысяч японцев, проживавших в Чанчуне [2, 07.12.1917].

Положение было зыбким и во Владивостоке, где японцев было около трёх с половиной тысяч. Генконсул Японии в этом городе, Кикүти Ёсиро (один из идеологов антикоммунизма в Японии, проживший долгую жизнь и не дотянувший пару месяцев до своего столетия), докладывал в Токио, что пребывание в порту американского крейсера «Бруклин» в какой-то мере успокаивает жителей города, но революционный взрыв может произойти в любой момент [3, с. 639]. Тем более что прославившийся в войне США с Испанией корабль 11 декабря покидал Владивосток, и возникал вопрос о необходимости его замены. Япония была ближе всех, и сделать это ей было проще других. Но Кикүти, знавший настроения в городе, рекомендовал пока от этого воздержаться и быть просто готовым, если ситуация ухудшится [3, с. 642].

* Окончание будет опубликовано в следующем номере.

Сохранялась ещё надежда на то, что всё каким-то образом наладится. О таких настроениях писал в Токио из Петербурга Утида Косай. 8 декабря 1917 г. по старой привычке его навестил бывший директор азиатского департамента уже не существующего российского МИД Григорий Александрович Козаков. Он говорил о надеждах на объединение сил генералов Корнилова и Каледина, на ситуацию в Харькове и Новочеркасске, на то, что большевикам не удастся овладеть Москвой, и тогда с помощью казаков удастся восстановить порядок... [3, с. 641]. Этого энтузиазма опытному дипломату хватило ненадолго. Все пойдёт не так, как он надеялся. Каледин в начале февраля следующего года, не сумев поднять донских казаков против большевиков, покончит жизнь самоубийством, Корнилов погибнет через два месяца под Екатеринодаром, сам Козаков вместе с другими эмигрирует, и в Стокгольме его настигнет внезапная смерть от простуды.

Дипломатии осторожных и взвешенных шагов пока был привержен и министр иностранных дел, в недавнем посол в России Мотоно Итиро. Но очень скоро он будет активно выступать за интервенцию. Сейчас же его беспокоили военные. 11 декабря он предупреждал Кикиути, что в японском Министерстве флота не исключают появление в районе Владивостока германских подводных лодок. В тот же день Утида из Петрограда сообщал о неожиданном визите американского посла с вопросом, как он относится к слухам, что большевики в ближайшие две-три недели сдадут столицу немцам, и не планирует ли Япония прислать свои войска, чтобы не допустить этого. Эти вопросы можно было бы посчитать провокационными, но американский посол Дэвид Фрэнсис говорил вполне искренне. И так же искренне отвечал японский посол: он не верит слухам, однако в условиях полной анархии, шараханий и слабости новой власти можно ожидать любого исхода. Что же касается появления японских войск в Петрограде – это нереально, учитывая расстояние, к тому же – опасно во всех других отношениях [3, с. 647].

В наэлектризованной слухами обстановке появились первые сообщения американской печати о том, что японцы уже высадились во Владивостоке и взяли под охрану скопившееся на Владивостокском терминале большое количество военной техники, оружия и боеприпасов из США и Японии. Потом они же публиковали категорические опровержения японского МИД и японского посольства в Вашингтоне – во Владивостоке нет японских солдат, как нет и планов направить их туда [1, 12.11; 12; 15; 18; 23.1917]. В Токио заместитель министра иностранных дел Сидэхара Кидзюро заверял американского посла Роланда Морриса, что сообщения газет «нелепы и абсурдны». Об этом Моррис сообщал госсекретарю Лансингу, встревоженному сообщениями американского посла из Петрограда [4, р. 8, 9].

«Категорическое отрицание», как обычно, было верным признаком того, что на самом деле такие планы были, но находились на стадии разработки. В этом признался 15 декабря в разговоре с американским военным атташе в Токио Карлом Болдуином секретарь японского военного министра Нинамия: *«Ведутся некоторые приготовления для посылки войск во Владивосток или Харбин, но только в таких масштабах, которые требуются для защиты жизни и имущества японских граждан. Но посылка войск в Россию полностью зависит от обстоятельств»* [4, р. 8].

Хаос в России после революции не мог не вызвать соблазн геополитического прорыва на континенте, особенно у японских военных. В японских архивах хранится телеграмма

генерал-майора японского генштаба от 16 декабря 1917 г. своему начальству в Токио с предложением создания на Дальнем Востоке «независимой российской территории» под покровительством Японии [3, с. 660, 661]. Такаянаги Ясутаро – кадровый разведчик, преемник Акаси Мотодзиро времен русско-японской войны, он возглавлял оперативный отдел японского генштаба в начале Первой мировой войны, когда Япония воевала с Германией за Циндао. В январе 1915 г. имя Такаянаги было в списке тех, кто «с триумфом» вернулся из Китая после победы. Для сбора информации о революции в России его, тогда ещё полковника, в марте 1917 г., направили в Петроград, который он покинул в марте следующего года после эвакуации японских дипломатов. В Токио он удостоился личной аудиенции у императора. Он докладывал монарху о большевиках, гражданской войне и немцах на пороге российской столицы, из-за чего пришлось её покинуть [2, 02.03.1917; 5, 03.04.1918]. В конце 1919 г. Такаянаги три месяца будет возглавлять японскую военную миссию в Омске, позже – штаб японской армии, дислоцированной во Владивостоке. В блистательной карьере у него была «карьерная осечка». Он был отставлен от службы вплоть до особого распоряжения из-за просочившихся в печать слухов о том, что работавшим на него японским гейшам в знак благодарности за услуги, помимо денег, он вручал блоки сигарет из специального императорского фонда подарков, предназначенных для особо отличившихся на войне (во Вторую мировую войну их вручали летчикам-камикадзе перед вылетом на верную смерть) [5, 28.04.1923].

Идея Такаянаги о «буферном российском государстве» на Дальнем Востоке будет воплощена позднее в Дальневосточной республике, которая станет подчиняться не Токио, а Москве. Но на тот момент реализация планов вмешательства в той или иной форме в российские дела зависела от того, подпишет ли правительство большевиков сепаратный мирный договор с Германией. Если бы последнее произошло, можно было бы, обвинив их в «предательстве», использовать ситуацию как предлог для интервенции.

Эта мысль присутствует в документе, подготовленном Временной комиссией по внешней политике, сформированной в МИД Японии по следам событий в России. После подробного анализа ситуации в России авторы рассматривали несколько вариантов собственного поведения в случае подписания «правительством Ленина–Троцкого» сепаратного договора с Берлином:

- *действовать в тесной связи с союзниками, не отступая ни на шаг от общей линии; в этом случае вполне возможна посылка войск на российскую территорию;*
- *действовать отдельно от союзников, рискуя оказаться в изоляции; но и в этом случае продолжать войну с Германией и Россией, которые, скорее всего, будут действовать совместно;*
- *если большевики, сохраняя враждебные отношения с западными странами, попытаются примириться с Японией – пойти им навстречу; этим можно добиться от них существенных уступок – предоставления Японии преимуществ в железнодорожных мероприятиях в Восточной Сибири; продажи по приемлемой цене северного Сахалина (позже этот вопрос будет поднят самим большевистским руководством); уступка КВЖД Южно-Маньчжурской железной дороге (позже будет осуществлено) [3, с. 661–666].*

Вернувшийся после подавления монархического мятежа в кресло премьера Госсовета Китая Дуань Цижуй в частном разговоре с японским посланником Хаяси говорил, что приход к власти в Харбине «экстремистов», как тогда долгое время называли большевиков, и их воцарение во Владивостоке представляют угрозу интересам Китая и Японии, и им *следовало бы самим, без оглядки на других, навести порядок на всей территории Сибири от Урала до Дальнего Востока*. Хаяси не разделял амбиций собеседника, заметив, что было бы реалистичнее, если китайские войска при необходимости взяли бы на себя охрану «полосы отчуждения» вдоль КВЖД. Япония же при необходимости готова оказать всяческое содействие [3, с. 669–670].

Начавшиеся 22 декабря в Брест-Литовске переговоры большевиков с Германией резко изменили характер отношений стран Антанты и Японии с новой властью. Переговоры шли с большим трудом, но произошло главное – Германия вернулась в Россию. В наступившем 1918 г. газеты печатали о появлении в Петрограде германского генконсула, военного и военно-морского атташе, называя это «германизацией» российской столицы [2, 04.01.1918]. Появились и слухи о том, что большевики замышляют подписать не только мир, но и союз с Германией.

На Дальнем Востоке эти события воспринимались как нечто, что происходит очень далеко, но по Транссибирской дороге может очень быстро прийти и сюда. Об этом свидетельствовали события декабря 1917 г. в Харбине, когда власть генерала Хорвата зашаталась, и казалось, он будет со дня на день арестован большевиками. Шоком явились и ожесточенные бои между большевиками и юнкерами в 20-х числах декабря 1917 г. Сотни погибших солдат и мирных жителей ярко продемонстрировали раскол российского общества и его кровавый характер.

В конце декабря, как реакция на это, появились первые признаки слабых и разрозненных попыток объединения альтернативных большевикам сил. 28 декабря на собрании во Владивостоке представители Земства Амурской области провозгласили образование временного правительства с центром в Благовещенске.

Их слабость, неспособность контролировать ситуацию торопили союзников принять ограниченные военные меры. 5 января 1918 г. Лансинг телеграфировал Моррису, что американскому крейсеру «Бруклин» дана команда срочно покинуть Манилу и направиться в Иокогаму, где ожидать дальнейшего приказа [4, р. 19, 20]. Аналогичный приказ из Лондона получил один из британских крейсеров в Гонконге. В Японии решение направить во Владивосток крейсер было принято ещё накануне – 4 января, о чём Мотоно предупредил Крупенского на следующий день.

В спешке англичан и американцев, помимо прочего, было стремление не дать Японии опередить их, воспользоваться моментом и установить свой контроль над Владивостоком и Транссибирской магистралью. Это было связано не только с подозрениями в «алчных намерениях» Токио, в чём не сомневались в США, но и с тем, что единоличные действия Японии могли произвести обратный эффект, что дало бы большевикам возможность распропагандировать это как оккупацию, организовать массовое сопротивление «агрессии» и укрепить свою власть. Это же могло бросить их в объятия Германии. К тому времени позиция Вашингтона к новой власти перестала быть враждебной, и появились признаки даже

некоторой симпатии. А Лондон считал, что с ней можно было бы договориться и использовать против немцев, «советовал» Токио не «антагонизировать» новую власть [4, p. 20].

Но уже 12 января на рейде во Владивостоке появился первый японский крейсер «Ивами», по иронии судьбы – трофейный русский броненосец «Орёл». 18 января к нему присоединился крейсер «Асахи». Вместе с транспортным судном и ледоколом (не следует забывать, что был январь) стало четыре судна. Из Гонконга прибыл английский крейсер «Суффолк», со дня на день ждали «Бруклина» из Йокогамы, где он запасался углём.

Оправдывая приход японских кораблей, японские газеты писали о безопасности 20 тыс. японцев, проживавших в разных местах восточной Сибири, главным образом во Владивостоке и Харбине [2, 15.01.1918].

В Вашингтоне все эти рассуждения о безопасности японского населения воспринимались как психологическая подготовка к высадке японцев во Владивостоке. Моррис из Токио сообщал Лансину, что из многочисленных бесед, которые он вёл в Токио, у него сложилось впечатление, что правительство Тэраути не настроено на оккупацию. Однако влиятельной силой является армия и её генеральный штаб, которые могут использовать любой повод, чтобы начать наземную операцию [4, p. 27]. Чтобы предотвратить это, Моррис по поручению Фрэнка Полка, заместителя Лансинга, должен был устно заявить Мотоно, что ситуация во Владивостоке не внушает серьёзных опасений, оккупация любой территории приведёт к объединению всех соперничающих сил в России против союзников, будет на руку «германской пропаганде», и никакой инцидент не может служить поводом для оккупации [4, p. 31].

Токио категорически отрицал все слухи о готовящейся интервенции. Японское посольство в Петербурге 19 января 1918 г. называло ложным появившийся слух о высадке с японского крейсера десанта. *«Япония искренний друг России, и она не намерена вмешиваться во внутренние дела этой страны, а пребывание кораблей во Владивостоке никак с ними не связано».*

Эти слова в точности повторил Тэраути 22 января в программной речи на открытии новой сессии японского парламента, добавив о своей уверенности, что Россия «сможет справиться с нынешними трудностями и в скором времени создаст стабильное правительство» [1, 25.01.1918]. Но этот энтузиазм не был вполне искренним. Ситуация в России, где новая власть уже продержалась более двух месяцев, не настраивала на оптимизм. В начале февраля на совещании послов стран Антанты и США в Петербурге по поводу признания Советской республики Утида интересовался мнением своих коллег, насколько долго может продержаться новая власть? Американский и английский послы заявили, что это, судя по всему, надолго.

Дэвид Фрэнсис, американский посол, не обманывал. Он уже ставил вопрос перед Лансингом о необходимости более тесных неформальных контактов с большевиками, на что 14 февраля получил «добро» от госсекретаря [6, p. 381]. Перед этим стало известно, что англичане установили неформальные контакты с советским представителем Литвиновым в Лондоне, а английский консул в Москве Локхарт выехал в Петроград для неофициальных контактов с Троцким.

Мотоно просил японского посла в Лондоне Тинда Сутэми выяснить у английского правительства, насколько эти слухи соответствуют действительности. Затем через несколько дней поручил выяснить, не боится ли британское правительство большевистских дипломатов, ведущих в нарушение всех правил откровенно подрывную пропагандистскую работу [3, с. 389, 394].

В Токио внимательно следили за развитием контактов новой власти с державами, что в значительной степени зависело от успехов переговоров большевиков с Германией. Здесь были в курсе перипетий первого и второго раундов переговоров в Брест-Литовске, противоречий между Лениным, Троцким и лидером «левых» Каменевым по поводу заключения «похабного», по выражению вождя революции, мира.

Когда 28 января переговоры были прерваны и наступило состояние «ни войны, ни мира», Германия объявила о прекращении перемирия, и судьба большевиков повисла на волоске, до Мотоно дошли сведения о контактах Троцкого с французским послом в Петрограде и заявлении Парижа о поддержке новой власти в случае возобновления ею военных действий против Германии. Те же сведения были получены и в Вашингтоне из источника французского посольства в США [6, р. 383]. *В условиях «полной деморализации (большевистской) власти» 22 февраля послы стран Антанты, включая японского и американского, приняли решение помочь ей в организации сопротивления германским войскам, движущимся от Двинска (Даугавпилса) в сторону Петрограда. Французские и английские военные инженеры помогали разбирать рельсовые пути с целью хотя бы на какое-то время задержать немцев* [6, р. 386].

В Токио Мотоно смотрел на это «сотрудничество» с новой властью скептически. 27 февраля 1918 г. он писал, что ему «трудно понять» доводы французской стороны. *Учитывая разложение российской армии, «экстремисты» вряд ли способны возобновить войну против Германии. Кроме того, им совершенно невозможно доверять, учитывая их поступки и слова в прошлом. К тому же Троцкий сохраняет ещё надежду договориться с Германией* [3, с. 402].

Тем временем в Токио пришла телеграмма от исполнявшего обязанности заместителя японского посланника в китайской столице. Ёсидзава Кэнкити – одна из ключевых фигур японо-советских отношений того времени. В 1924 г. он будет вести переговоры с Иоффе, а потом с Караханом, с которым 20 января 1925 г. подпишет Договор об основах японо-советских отношений (Пекинский договор). В 1932 г. он станет министром иностранных дел в кабинете своего тестя Инукаи Цуёси. Но это будет на короткое время – 15 мая 1932 г. Инукаи будет застрелен в своей резиденции группой молодых морских офицеров.

В телеграмме говорилось о беседе с российским посланником, который, как и Крупенский в Токио, продолжал выполнять свои функции, несмотря на большевистский переворот. Николай Александрович Кудашев посетил японскую миссию и поделился переводом текста обращения к народам Востока («Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока») советского правительства от 3 декабря 1917 г. Заодно он сообщил, что, *по его сведениям, новой властью на пост российского посла вместо Крупенского назначен некий Конрад. Это молодой человек лет двадцати четырех-пяти. До прошлого года он находился в Токио, где у него сложились дружеские отношения с Поливановым, который теперь*

заведующий Дальневосточным отделом большевистского министерства иностранных дел, чем, скорее всего, объясняется это назначение. Ёсидзава просил обратить на Конрада внимание, когда тот приплывёт в Цуруга, а также передать это сообщение послу Крупенскому [3, с. 392, 393].

В новом 1918 г. стало очевидным, что переговоры в Брест-Литовске буксируют, а германские войска продолжают своё движение к Петрограду. В этих условиях иностранные послы стали покидать русскую столицу. Заместитель японского генконсула в Москве Кумадзаки передавал Мотоно, что Утида покинул Петроград 28 февраля и в тот же день прибыл в Вологду. «Здесь, – отмечал он, – о нём и других дипломатах, против ожидания, проявили заботу местные органы – Советы рабочих и солдат». Утида намеревался остаться на какое-то время, чтобы, сообразуясь с обстановкой, принять решение о дальнейшем перемещении в Мурманск или Архангельск. С американским послом Дэвидом Фрэнсисом они договорились действовать совместно [3, с. 407]. Но из телеграммы Фрэнсиса (21 февраля) Лансину следовало, что он с Утида после остановки в Вологде собирается направиться в Харбин или Владивосток, где они должны были остановиться и ждать инструкций от своих правительств. «Не хочется Россию полностью уступать Германии» [6, р. 384].

Движение двух послов на Восток и пребывание там можно было объяснить их особой обеспокоенностью ситуацией в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В Иркутске находилось около 20 тыс. германских «вооруженных военнопленных», на что Утида реагировал «невозмутимо», заявив, что в Маньчжурии стоит 30-тысячная японская армия, а в Харбине 10 тыс. китайских солдат [6, р. 388].

В Сибири положение и расклад политических сил был не менее запутанным, чем в европейской части России. Те, кто терпел поражение в Петрограде и Москве, устремлялись на Север и Юг, но Восток – Сибирь с её просторами предоставляла особые возможности для попыток организовать сопротивление большевикам. Здесь более рельефно проявлялась борьба трёх основных сил на послереволюционном политическом поле: 1) большевистской (советской), 2) альтернативной революционной, но антибольшевистской (меньшевики, социал-демократы, анархисты, разные либеральные группы и др.) и 3) «Белого движения» за реставрацию монархии.

Перед лицом этой сложной комбинации разных сил Япония была озабочена в основном возможным доминированием в России Германии; отношениями с Китаем без прежнего союза с Россией, что имело свои плюсы, но и явные минусы; растущим соперничеством с США и угасающей притягательностью союза с Англией.

В середине января в Петрограде на вопрос французского посла, намерена ли Япония признать Сибирское правительство (Временное сибирское правительство, сформированное на базе Томской Думы в январе 1918 г., которое действовало на территории Сибири и Дальнего Востока до октября 1918 г.), Утида отвечал отрицательно. Мотоно не реагировал на телеграмму Ёсидзава из Пекина от 3 февраля, в которой тот со слов российского посланника Кудашева сообщал о некоем «есауле (капитане) Семёнове», который давно «обитает» на станции «Маньчжурия» (крупный железнодорожный узел КВЖД на границе с Внутренней Монголией) и собирает казачье войско, чтобы начать войну с большевиками.

Но уже в середине февраля на телеграмму генконсула в Харбине Сато Наотакэ (будущий министр иностранных дел в кабинете Хаяси Сэндзюро, посол в СССР с 1942 г. по август 1945 г.) о просьбе Семёнова помочь ему оружием и боеприпасами, он дал свою санкцию, требуя соблюдать строгую секретность в делах с атаманом [7, с. 476, 480–482].

Дело в том, что уже в начале февраля многое изменилось. Надежды на конструктивный диалог с «экстремистами» испарялись, ситуация в России стала ещё более хаотичной. Во Владивостоке усилилась анархия. 4 февраля американский консул Джон Колдуэлл сообщал о разбоях в гостиницах, жертвами которых становятся иностранцы. Особенно частыми стали нападения на улицах на японцев и грабежи их магазинов. Генконсул Японии протестовал, позже к нему присоединились консулы других стран, однако ничего не изменилось [4, р. 37, 38]. Через несколько дней английский поверенный в делах в Вашингтоне передавал Лансингу сообщение его коллеги из Пекина о просьбе Кудашева оказать всемерную поддержку «капитану Семёнову» деньгами и оружием [4, р. 38, 39].

Заметными стали изменения в настроениях в Лондоне. Теперь здесь были уверены, что единственной силой, способной оградить Транссибирскую магистраль от хаоса и тем самым не допустить её использования Германией, – это оккупация её японскими войсками, что было наиболее реально и надёжно. Зная, однако, что эта идея явно не по душе Вашингтону, Лондон пытался повлиять на его позицию [4, р. 41]. Но Вашингтон был непоколебим. *Любая интервенция будет контрпродуктивной, но если всё же она станет неизбежной, она ни в коем случае не должна осуществляться одной Японией, а быть коллективной акцией*, говорилось в официальной ноте госдепартамента британскому посольству в США [4, р. 41–43].

Идея интервенции, непопулярная с самого начала в европейских столицах и в Токио, предполагала, что заменой ей может быть ставка на силы в самой России. В поисках таких сил на Дальнем Востоке и всплыла фигура атамана Семёнова. Ставка на него не была японской идеей. Из переписки генконсула в Харбине Сато с Мотоно следовало, что есаул – это «проект» англичан и французов. Он был реальной силой в Забайкалье, и была надежда, что его казакам удастся захватить Иркутск и осуществить план создания российского государства на пространстве от Иркутска до Владивостока, которое могло бы себя противопоставить остальной России, где с трудом, но последовательно большевики строили новое государство. Это было особенно актуально – *«эпидемия» большевизма проникала и в Сибирь, «заражая» целые районы и даже казачьи части (Верхнеудинские казаки)* [7, с. 483–484].

В оказании помощи Семёнову Токио колебался недолго. 24 февраля Сато сообщал в Токио о некоем Шевченко, представителе Семёнова, который приехал в Токио, чтобы просить у японского правительства денег на оружие или само оружие. *Средств на это у Семёнова нет, и вряд ли они появятся и у формировавшегося в эти дни в Харбине Дальневосточного комитета защиты Родины и Учредительного собрания. Шевченко готов подписать любой контракт о фиктивной купле-продаже*. 28 февраля Мотоно отвечал, что *принято решение удовлетворить просьбу атамана, и сделка будет произведена через торговый кооператив трёх компаний – Мицуи, Окура и Такада, через которые происходили поставки оружия российской империи до её падения. Позднее он сообщал, что поставки*

будут происходить через Комитет защиты Родины, затем передаваться Хорвату, от которого они будут поступать Семёнову. Кроме того, ЮМЖД дано распоряжение оказывать всяческое содействие транспортировке оружия, которое будут поставлять Семёнову Франция и Англия [7, с. 486, 488, 501, 502].

Помощь антибольшевистской оппозиции пока осуществлялась через косвенные каналы без прямого вмешательства. Но сразу после подписания 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирного договора Советской власти с Германией ситуация изменилась. Мирный договор широко открыл Германии двери в Россию. Помимо аннексии обширных территорий бывшей российской империи, стало заметно её доминирование в европейской части России. Не дать ей проникнуть дальше за Урал, на просторы Сибири и на Дальний Восток – стало практической задачей, как она виделась в Европе и в Японии. Это становилось тем более важным, что скопившиеся в разных местах Сибири «германские военнопленные», после подписания мирного договора фактически перестали быть таковыми. Отвечая на запрос из Вашингтона, временный поверенный в делах США в Пекине Спенсер сообщал оценочные данные. *В Иркутске 2000 вооруженных военнопленных. Каково соотношение между немцами, австрийцами (чехами) и турками – неизвестно, но по сведениям российской миссии в Пекине, последние две группы воевать за Германию не хотят. Германцы же рвутся в бой. Ими командуют свои же офицеры, пропорциональное число которых по отношению к рядовому составу очень велико [4, р. 69, 70].*

Резко осложнившаяся ситуация заставила и Вашингтон пересмотреть своё негативное отношение к любой интервенции в Сибири, особенно японской. Ещё до подписания советско-германского мирного договора 1 марта Вильсон принял решение пойти навстречу пожеланиям союзников и не препятствовать планам использования Японии для оккупации Транссибирской магистрали [8, р. 45]. В госдепартаменте был составлен меморандум, в целом одобрявший одностороннюю японскую оккупацию. Однако, узнав об этом, сотрудники российского посольства в Вашингтоне, продолжавшего свои функции, сделали всё, чтобы отговорить его. Советник посольства Иван Иванович Сукин (позже министр иностранных дел в правительстве Колчака) уже на следующий день встретился с третьим заместителем госсекретаря Брекинриджем Лонгом и просил не соглашаться с односторонней японской оккупацией по причинам, которые уже были озвучены, а пойти на «политико-военное» вмешательство на коалиционной основе [8, с. 45].

Насколько доводы российских дипломатов уже не существующего государства произвели впечатление на американского президента, неизвестно, однако 4 марта Вильсон вызвал к себе заместителя Лансинга Фрэнка Полка и просил задержать отправку меморандума до дальнейших указаний. На следующий день тот снова встретился с президентом и после внесения «соответствующих поправок» 6 марта пригласил к себе японского временного поверенного, которому зачитал текст ноты [4, р. 68, 69].

«Американское правительство осознаёт чрезвычайную опасность анархии, которой подверглись районы Сибири, и неизбежного риска вторжения и господства Германии и согласно со странами Антанты, что если для устранения этой угрозы благоразумно было бы вмешательство, то более всего для этого подходит Япония. Правительство США испытывает полное доверие к действиям Японии и само бы желало поручить ему это дело,

но проблема лишь в разумности самого вмешательства. Но если Япония пойдёт на это, правительство США полагает, что оно при этом даст недвусмысленные заверения в том, что оно действует как союзник России, в интересах России и только имея в виду защиту её от Германии с последующим решением всех вопросов на мирной конференции [9, с. 691, 692].

Вашингтон, таким образом, соглашался на японскую интервенцию только при условии, что Япония даст твёрдые заверения, что после завершения своей миссии она уйдёт из России. Теперь, когда пусть с оговорками, но согласие США было получено, 15 марта в Лондоне на совещании министров иностранных дел Англии, Франции и Италии было принято решение обратиться к Японии с предложением об оказании «помощи» России, тем более что в течение всей войны до распада империи такая помощь ею осуществлялась. Помимо прочего, только Япония обладала достаточными для этого ресурсами. Текст этой резолюции был передан президенту Вильсону [9, с. 704, 705].

Лондон пытался балансировать между Вашингтоном и Токио, в душе, скорее, на стороне первого, чем второго. Но тяжёлая обстановка на фронтах заставляла политиков больше прислушиваться к голосу своих военных. В переданном для оценки в военное министерство Франции и тайно попавшем в руки американцев меморандуме британского военного ведомства его авторы опровергали все аргументы, которые выдвигались в США против односторонней японской акции.

«Оккупация японскими войсками Транссибирской магистрали от Владивостока до Челябинска укрепит позиции тех, кто выступает против сил анархии; спасёт Румынию; предотвратит перевод германских войск с Восточного фронта на Западный. Японцы готовы к этой операции, для которой потребуется только шесть с половиной дивизий. Нужно позволить им действовать в одиночку, так как только при этом условии правительство получит поддержку внутри страны. Антияпонские настроения в российском обществе явно преувеличены. Общество, напротив, будет приветствовать столь энергичную силу, которая поможет положить конец анархии. Многие русские офицеры уже высказали желание служить в японской армии, если она возьмёт на себя такую миссию. Оккупация Сибири ещё раз противопоставит Японию Германии, закрепив их вражду. Это позволит не опасаться сценария, когда евразийский континент будет поделён между этими двумя странами. Боязнь, что Япония установит свой протекторат над Россией, беспочвенна. Японцы психологически не способны к управлению другими народами, как это видно на примере Тайваня и Кореи» [4, р. 49, 50].

Ответ японского правительства на американскую ноту последовал только через десять дней (17 марта). *«Очевидно, что нынешнее предложение правительств союзных держав об интервенции в целях остановить зловредную деятельность Германии в Сибири не происходит из выраженного японским правительством желания или намерения. Поэтому оно пойдёт навстречу пожеланиям союзников при условии, что их поддержка будет абсолютно искренней, а также только при взаимопонимании между Соединёнными Штатами и остальными державами. Однако в случае, если ситуация в Сибири и на Дальнем Востоке будет непосредственно угрожать интересам Японии, она оставляет за собой право действовать самостоятельно»*.

В японском правительстве не было единодушия по поводу интервенции. *«Предыдущее правительство [Окума] поторопилось с объявлением войны Германии. В этом кризисе нам не следует торопиться»*, – говорил Гото Симпэй американскому послу Моррисону. Влиятельный политик (министр внутренних дел, а через месяц с лишним – министр иностранных дел) и прежде встречался с послами держав, делясь с ними доверительной информацией о положении дел в правительстве. *«Ситуация на прошлой неделе резко изменилась – теперь большинство в японском правительстве против немедленной посылки войск, которую предлагал Мотоно»*, – суммировал свои впечатления американский посланник в телеграмме Лансингу [4, р. 72].

В Токио взвешивали все за и против. 18 марта премьер-министр Тэраути после долгого разговора с заместителем начальника генштаба Танака и присоединившемся к ним позднее военным министром Осима сразу же направился в токийскую резиденцию Ямагата [2, 19.03.1918]. Позднее газеты печатали краткие сообщения о встречах гэнро Сайондзи и Мацуката с военным министром и министром флота, об их посещении в тот же день императора [2, 11.04.1918]. Посещения гэнро свидетельствовали о начале интенсивных переговоров между теми, кто определял японскую стратегию в таких случаях.

26 марта в парламенте уже ослабевший от внезапно обострившейся болезни желудка, из-за которой спустя месяц он уйдёт в отставку, а в сентябре скончается, Мотоно, напрягая голос, убеждал пессимистически настроенных депутатов, что идея вооружённого вмешательства в Сибири не принадлежит Японии. *«Это инициатива союзников. И если поступит просьба направить войска в Россию для защиты железной дороги от германо-австрийских войск, скопившихся на Дальнем Востоке оружия и других военных материалов, угрозы, исходившей от военнопленных, то Япония, прежде чем решится, тщательно изучит этот вопрос»* [2, 27.03.1918].

Насчёт первого он не лукавил. Американский посол в Токио Моррис на запрос Лансинга подтверждал, что интервенцию первой предложила Англия. *«Грин по заданию английского правительства ещё 14 декабря 1917 г. неофициально встретился с Мотоно и предложил обсудить вопрос о направлении войск во Владивосток для того, чтобы в случае необходимости взять под контроль Транссибирскую магистраль и Амурскую железную дорогу. До этого в Японии никто не думал об интервенции»* [4, р. 84, 85].

Но, как это было в августе 1914 г. при вступлении в войну с Германией, стоило Англии заикнуться об этом, как Токио начал раскручивать свой собственный сценарий, так и сейчас Мотоно проявил себя завзятым геополитиком. Его талант в полной мере проявился ещё в годы пребывания на Французской набережной в Петербурге при общении с Извольским и Сазоновым. И сейчас он быстро сообразил, какие территории или «сферы влияния» можно приобрести при активном вмешательстве в российские дела [10, р. 160].

Но сейчас ещё бóльшая ирония заключалась в том, что окончательное решение об интервенции было принято Японией только после того, как с этим предложением к ней обратились Соединённые Штаты. Таким образом, «спонсором» японской интервенции в Сибири, помимо Лондона, стал и Вашингтон. Но это произойдёт лишь в июле, а пока Мотоно 2 апреля направил Тэраути обширнейший документ из десятка страниц, подробно обрисовывая ситуацию в России и обосновывая необходимость прямого военного

вмешательства. План предусматривал два варианта. Первый – действовать на основе согласия со странами Антанты и по их просьбе. Это было бы комфортно, но, если такая просьба не поступит, действовать самостоятельно.

Мотоно обосновывал это фундаментальными изменениями в мире. *Японская дипломатия в Восточной Азии покоилась на «двух китах» – японо-английском и японо-российском союзах. Война изменила ситуацию в корне. Россия под властью «экстремистов» перестала быть не только союзницей, но оказалась в состоянии полного развала. Велика возможность, что новая власть, заключившая сепаратный мир с Германией и Австрией, уступит им во всём и станет их вассалом. Произошли большие изменения на Среднем и Ближнем Востоке. К этому можно было бы добавить и то, что участие США в войне резко усилило их позиции при решении послевоенного мироустройства (сделало их главным оппонентом японских притязаний на своё место в нём).* Обосновав необходимость военной интервенции в строго секретном разделе, Мотоно обозначил главные моменты своего плана. В нём были три основные части: 1) Соглашение с Китаем, 2) Основные цели и задачи интервенции и 3) Соглашение с союзниками. С Китаем для отражения «общей угрозы» предполагалось заключить военное соглашение. Китаю поставлялось оружие в обмен на материалы и сырьё для его производства. *«Основные цели и задачи: оккупация железной дороги от Иркутска до Владивостока, включая КВЖД; поддержка «умеренных» политических сил в их борьбе против «экстремистов», помощь в выдавливании последних из Сибири; при сохранении контроля над железной дорогой содействие формированию российской гражданской власти на местах в Восточной Сибири и её связи с югом европейской России, где уже действовали очаги борьбы с большевиками; в зависимости от поведения новой власти, способствовать становлению независимой Сибири. С союзниками: провести консультации и добиться их согласия или понимания целей и задач японской политики; желательно подписать с ними соглашение, оговорив особо, что режим оккупации всех железных дорог и населённых пунктов к востоку от Иркутска осуществляет Япония своими силами без их участия; в случае больших беспорядков в результате германско-австрийской агитации (имелись в виду военнопленные, большую часть которых составлял чехословацкий корпус) или продвижения германско-австрийских войск в Восточную Сибирь, начать интервенцию, не дожидаясь согласия союзников»* [7, с. 751–753].

Через некоторое время газеты припомнят Мотоно его лукавство и хитроумие, которые привели к внешнеполитическим провалам. «За двумя зайцами погонишься...» – стояло в заголовке редакционной статьи в «Асахи», подвергшей суровой критике всю его политику в России: запоздалое признание временного правительства в марте 1917 г., поспешный отзыв японского посла, в то время как все другие оставались до последнего в Вологде, а затем в Архангельске, отказ от попыток наладить диалог с новой властью и пр. [2, 11.04.1918].

И действительно, Утида вернулся в Токио уже в конце марта и 30 числа в императорском дворце докладывал императору о положении в России [2, 31.03.1918]. В это время были только в разгаре попытки англичан и французов договориться с Троцким и уговорить большевиков на соглашение с Антантой против Германии. Токио, который в этом не участвовал, сделал ставку на поиск сильной личности, которая могла бы на Дальнем

Востоке и в Сибири возглавить движение за формирование альтернативной большевикам власти.

Когда стало известно об антибольшевистских настроениях Уссурийского казачества, Мотоно поручил Кикичи тайно встретиться с их представителем. Отсюда же, из Владивостока 1 марта генерал-майор Накасима Масатакэ (бывший представитель японского генштаба при Могилевской ставке, шедший на передовой в атаку вместе с русскими солдатами и обедавший за одним столом с русским царём), докладывал заместителю начальника генштаба японской армии генералу Танака Гиити о своей встрече с Хорватом. Глава дальневосточного края уверял – он не против создания автономной Сибири и Дальнего Востока, но это невозможно без помощи Японии, в чём пока нет уверенности [7, с. 490]. Но уже 11 марта в Харбине Хорват говорил прямо, без намёков. Он посетил японское генконсульство и заявил Сато, что после долгих колебаний и сознательного пребывания в тени, он понял, что дальше тянуть нельзя. После поездки в Пекин и разговоров с Кудашевым он готов, уточнив намерения Японии, встать во главе дальневосточного правительства, когда оно будет сформировано. *«Но любая власть без армии беспомощна и обречена. На сегодняшний день вместе с казаками Семёнова и Уссурийскими казаками, а также отрядами в его распоряжении, всего наберётся не более 5 тыс. У большевиков только в Хабаровске насчитывается 8 тыс. и в ближайшее время это число возрастет до 10 тыс. Если добавить австро-германских военнопленных, то в одном Уссурийске их 10 тыс., а к западу от Иркутска ещё 40 тыс., итого 50 тыс. Другими словами, без присылки на помощь 15–17 тыс. японских солдат новая власть не выстоит».* И уже как рачительный хозяин добавлял, *«что, если думать о географии будущего государства, желательно не ограничиваться Иркутском и территорией восточнее его, а включить ещё и Томск с его сельскохозяйственным потенциалом»* [7, с. 497].

Через несколько дней Хорват пригласил к себе японское начальство в Харбине: Сато, Накасима и члена совета директоров ЮМЖД Каваками (Кинъити). *«Если Япония гарантирует присылку войск, то он сформирует временное правительство, объявит о независимости Сибири и официально обратится к Японии о поддержке его войсками. Если подготовку ко всему провести быстро и в строгом секрете, никто не сможет помешать, и те, кто в Омске (на самом деле в Томске) собирает новый общесибирский орган власти (Временная Сибирская областная дума, январь 1918 г.), постепенно примкнут к новому правительству. К тому же все эти образования – социалистические (большинство в них составляли эсеры). На них полагаться нельзя»* [7, с. 497, 501].

Не дожидаясь заверений от Токио в том, что японские войска примут участие в «очищении» Восточной Сибири от большевиков, Хорват начал формирование правительства и 28 марта пригласил Накасима принять участие в предварительном совещании его главных членов. *Он сам возглавит правительство. В него войдут пять-шесть наиболее авторитетных людей. Позднее состав будет увеличен. Принцип формирования – привлечение к участию представителей самых различных сил антибольшевистского движения в Сибири. Ещё раньше в разговоре с Накасима он упоминал имена известных всей России личностей – Александра Ивановича Путилова, бывшего заместителя министра и адмирала Александра Васильевича Колчака* [7, с. 504, 506].

Видимо не очень рассчитывая на Токио, 4 апреля Хорват обратился и к американскому консулу Чарльзу Мозеру и говорил ему то же, что и японцам накануне: *он официально заявляет, что если американское правительство поддержит его военной силой и деньгами, то он немедленно сформирует здесь временное правительство Сибири* [4, р. 99].

Но очень быстро выяснилось, что все те, на кого мог рассчитывать Хорват, энтузиазма не испытывали. Кудашев в Пекине сказал, что сомневается в целесообразности интервенции войск союзников, в особенности японцев, а представитель Сибирского правительства, приехавший в китайскую столицу, не встретил понимания ни у китайского правительства, ни у генконсулов Франции и Японии, а английский генконсул под вежливым предлогом вообще отказался от встречи с ним [7, с. 507]. Возможно из-за того, что волна большевистских идей, буквально захлестнувшая всю страну с запада до Харбина, под влиянием разрухи, нехватки самого необходимого, анархии и беспредела стала постепенно затухать.

Разруха, в той или иной степени, царил повсюду, но в портовом Владивостоке это было особенно заметно. 4 апреля 1918 г. здесь в 11 часов утра пятеро вооруженных бандитов вошли в японскую лавку и, угрожая, потребовали денег. После того, как японцы отказались, они открыли огонь, убив одного и тяжело ранив других [4, р. 99]. На следующий день в 5 часов утра с японских крейсеров по приказу командующего эскадрой контр-адмирала Като Такаёси был высажены на берег две роты, которые тотчас же стали патрулировать улицы города. Через какое-то время к ним присоединились 50 британских моряков [4, р. 109].

Японское посольство в Вологде поставило советские власти в известность о десанте. *Это предпринято исключительно для защиты жизни и имущества японцев и носит локальный характер.* Токио давало понять, что это не интервенция. Не принимая такого объяснения, комиссариат иностранных дел предупреждал, что расценивает произошедшее как *«шаг решительный и чреватый последствиями, направленный по существу к оккупации территории Российской Советской Республики»* [11, с. 233].

Бросалось в глаза отсутствие формального протеста, требования немедленного возвращения десанта на корабли и требования, чтобы они покинули Владивосток. В советском правительстве лихорадочно анализировали ситуацию, стремясь понять, начало ли это масштабной интервенции и открытие «восточного фронта» защиты революции. Чичерин спрашивал об этом французского консула в Москве. Троцкий задавал тот же вопрос англичанам, и в ответ 7 апреля из Форин Офис ушла телеграмма в адрес Локхарта. Британскому консулу поручалось заверить Троцкого, что речь идёт только о защите жизни иностранцев во Владивостоке, и выразить сожаление, что в этом городе подвергаются опасности жизнь и имущество граждан стран коалиции, в то время как они пытаются «помочь Троцкому» [4, р. 109].

Французский посол в Вашингтоне Жан-Жюль Жюссеран (который удачно сочетал дипломатическую работу с литературной и как раз накануне получил Пулитцеровскую премию за книгу по американской истории), ссылаясь на англичан и французов, уверял Лансинга: *«по впечатлению тех, кто контактировал с Троцким, а также послов Франции, Англии и Италии, большевиков можно было бы уговорить принять идею японской интервенции как средства против Германии и помощь в реформировании России»* [4, р. 111].

Он заблуждался. Идея японской оккупации большевиков устраивала меньше всего. Не случайной была оговорка Троцкого, идеолога «мировой революции»: *«Если бы... Россия оказалась, хотя бы временно, перед необходимостью избирать между японской оккупацией и германской, то, разумеется, пришлось бы признать, что японская не менее, а более опасна для судьбы русского народа, ибо у нас несравненно меньше основания надеяться на возможность глубоких внутренних перемен в Японии в ближайшее время, чем в Германии»* [12, 22.06.1918].

Американский посол в России Фрэнсис сообщал из Вологды Лансину, что в Москве военным представителям стран Антанты после бурных ожесточенных споров с представителями властей удалось договориться насчёт предварительных условий соглашения с большевиками о введении на территорию их войск. *«Они не должны вмешиваться во внутренние дела, как это было на Украине и на Дону; сотрудничать с советскими властями по военным вопросам; это должны быть не только японские войска, а объединённые войска союзников; заранее договориться о том, что потребует Япония как плату за своё участие; начать переговоры о предоставлении концессий на Дальнем Востоке»* [4, p. 114].

Все большевистские издания в пропагандистском ключе яростно выступали против ввода войск союзников, а «Русское Слово» за поддержку идеи японской интервенции было закрыто навсегда [6, p. 496]. Это была своего рода игра, когда в тяжёлой ситуации большевики готовы были идти на любой компромисс, но только сохранить себя. В эти дни в нарушение условий Брестского договора германские войска занимали один за другим порты в Финляндии, разоружали российские войска, захватывали склады с боеприпасами. Под их прикрытием войска Украинской Рады жестоко расправлялись с прорусскими силами на Украине и вторгались в пределы Российской Федерации. Германцы готовились к оккупации Крыма, а Бессарабия была отторгнута Румынией.

Между Германией и Антантой, прессируемые с обеих сторон, большевики колебались. Но уже в конце апреля в опубликованных в «Известиях» комментариях на интервью французского посла в России Жозефа Нуланса Чичерин явно сглаживал острые противоречия с Германией. Её политику прямых или косвенных захватов на Украине и в Финляндии, беспощадные расправы с мирным населением, по поводу чего ежедневно посылал телеграммы протеста, он теперь называл лишь «серьёзными разногласиями». По поводу же событий во Владивостоке он был категоричен и отрицал всякую возможность вмешательства стран Антанты: *«Японский десант есть акт хищнический, и никакого удовлетворения с целью удаления вторгшихся к нам иностранных войск мы давать не намерены. Эти войска явились в наши пределы насильственным образом, пусть они удалятся. Никакие другие разговоры по этому поводу невозможны. Если же захватчиками будут являться не одна держава, а несколько держав, нам от этого будет не лучше, и ко всем вторгающимся к нам иностранным войскам мы отнесёмся точно так же»* [11, с. 260, 261]. 28 апреля последовала нота НКВД за подписью Чичерина с острой критикой статьи французского посла в российской прессе, в которой тот оправдывал высадку японского десанта во Владивостоке как вынужденную. Он требовал немедленного отзыва Нуланса [11, с. 272, 273].

Ленин с самого начала не верил ни в какие заверения, и 7 апреля через Иркутск во Владивосток ушла его директива. Ленин призывал местные советские власти не питать

иллюзий: «...японцы наверное будут наступать. Это неизбежно. Им помогут – вероятно все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьёзно, готовиться изо всех сил». И далее в деловом тоне: «Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов... Готовьте подрыв и взрыв рельсов, увод вагонов и локомотивов, готовьте минные заграждения около Иркутска или в Забайкалье... Денежных знаков у нас теперь нет, но со второй половины апреля будет много, но помощь нашу мы обусловим вашими практическими успехами в деле вывоза из Владивостока вагонов и паровозов, в деле подготовки взрыва мостов и прочее» [11, с. 233, 234].

Библиографический список

1. New York Times.
2. Асахи.
3. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 13 «Революция в России» / МИД Японии. Токио, 1968.
4. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. II.
5. Йомиури.
6. Papers relating to the foreign relations of the United States, 1918. Russia. Vol. I. Chapter VII.
7. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 14 «Антибольшевистские силы» / МИД Японии. Токио, 1968.
8. *Vacino, Leo J.*, *Reconstructing Russia: U.S. Policy in Revolutionary Russia, 1917–1922* / Kent State University Press. Kent, OH. 1999.
9. Документы внешней политики Японии, 1918 г. Том 1. Дело 15 «Посылка войск в Сибирь» / МИД Японии. Токио, 1968.
10. *Beasley, W.G.* *Japanese Imperialism, 1894-1945*. Clarendon Press. Oxford. 1987.
11. Документы внешней политики СССР. Министерство иностранных дел СССР. Том первый, 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г. М.: Госполитиздат. 1959.
12. Известия ВЦИК.

Поступила в редакцию 05.07.2017

Автор:

Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: sarkisovko@yahoo.com

Japan's Intervention in Siberia. Prelude

(Part 1)

K.O. Sarkisov

Japan's intervention in Siberia is one of the dark pages in the history of bilateral relations as well as of Japan's foreign policy. Japanese, American and Soviet archives give a better understanding how this adventurous enterprise has begun and what forces and interests worked behind.

Keywords: revolution, Russian Far East, Czechoslovak corps, weakness of opposition, Goto Shimpei, Chicherin.

Received 05.07.2017

Sarkisov Konstantin O., PhD, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisovko@yahoo.com